

Александр
Тамоников

**БОЙ
С НЕВИДИМКОЙ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на переплете *Алексея Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Бой с невидимкой / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (СМЕРШ —
спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-186585-6

Закончилась Великая Отечественная война. Но неспокойно на Западной Украине. Недобитые бандеровцы держат в страхе многие города и села. Особо лютует отряд под предводительством некоего Перемоги. Его подчиненные действуют оперативно и слаженно, при этом никто из них не знает главаря в лицо, но очень его боятся. Обезвредить опасного врага поручено группе майора СМЕРШ с позывным Марко. Опытный контрразведчик разрабатывает план по уничтожению банды, не предполагая, как страшно удивит оперативников результат этой операции...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-04-186585-6

© Тамоников А. А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

Обычно они всегда приходили после полуночи — пришли после полуночи и на этот раз. В этом был свой резон. Ночь — лучшее время для злодейств. А они были злодеи. Народ называл их болотяныки. По местным поверьям, это была нежить, которая днем пряталась в болотах, а по ночам выходила из болот, чтобы пить людскую кровь. Так когда же им было приходиться, как не ночью? Все резонно, все логично...

Они подошли к дому, стоявшему особняком на небольшой возвышенности посреди болота. В этой местности почти все дома стояли особняком, вдалеке один от другого, и почти все они были впритык к болотам, а то и на самих болотах, заросших осокой, лозняком и ольхой. Посреди болот тут и там высились островки — где большие, где крохотные, — и на этих островках селились люди. Иной раз они селились и у края болот. Больше селиться было негде. На этих островках люди строили себе дома, здесь же теснились сараи и загоны со скотиной, здесь же ютились огороды, а если островки были большими, то на них помещались даже нивы с рожью, ячменем и гречихой.

По сути, каждый заселенный островок был самодостаточным хутором, хотя формально все обитаемые островки были объединены в общее поселение под названием Острова. А какое же еще

название можно было дать в этом случае? Название было по существу...

Таких хуторов в этом полесском краю было немало, а сам край имел еще одно название — уже не официальное, а народное, выстраданное, которое, если разобраться, всегда бывает точнее, правильнее официального, да и запоминается накрепко — так, что передается из поколения в поколение. Край назывался Заболотье. Да и как еще можно было его назвать, когда болота здесь были повсюду, они окружали эту обширную местность с трех сторон, и посреди самой местности они также расстилались повсеместно, если не считать упомянутых островков? Только так — Заболотье, и никак иначе.

Правда, была еще и четвертая сторона, восточная, не такая болотистая, а, наоборот, поросшая березняком, осинником и сосняком, и она, эта четвертая сторона, соединяла Заболотье со всем остальным миром. В ту сторону вела даже грунтовая дорога, и если летом не было проливных дождей, а зимой ее не заносило снегом, то по ней без особых трудностей можно было добраться до ближнего села или даже до районного центра, а оттуда, в случае надобности, и куда-нибудь подалее.

Были, впрочем, дороги и в другие стороны, через болота. Хотя, конечно, в полном смысле их и нельзя было назвать дорогами. Какие уж там

дороги? Так, тайные тропы, где мощенные жердями, где и вовсе без жердей, но зато — с приметами, зная которые, можно было в случае крайней надобности перемещаться по таким тропам. Опасные это были пути, погибельные. Как говорится, лишний шаг влево, лишний шаг вправо, и... Но они были, они существовали испокон веку. И те, кто их знал, кто был знаком с приметами и указателями тех неверных дорог, случалось, ступали на них и уходили по ним в неведомые, почти погибельные болотные дебри. По тем же дорогам они приходили на Острова — если, конечно, не делали по нечаянности губительных шагов ни вправо, ни влево. А затем, если была нужда, возвращались по ним обратно в неведомую болотную полумглу...

...Итак, они пришли после полуночи. Из болот, по тайным тропам. Они скрывались в болотах, потому что где еще им было скрываться, коль они болотяныки? Болотная полумгла — самое подходящее место для таких людей. Они подошли к дому, стоявшему особняком на одном из болотных островков. Конечно же, они старались ступать тихо, не шуметь и вообще быть невидимыми. Все разбойники поступают именно так, когда хотят совершить злодейство. Но никто в этом мире не может не производить шума. Где-то хрустнет сухая ветка, где-то чавкнет под ногой болотная тряпина, ухнет болото, захлопает крыльями вспуг-

нутая птица, залает собака на хуторе... Пока этот мир жив, он всегда будет наполнен всяческими звуками, и ничего с этим поделать невозможно.

В доме обитали двое — муж и жена. Его звали Василем, ее — Горпиной. Они были молоды, поженились лишь полгода назад. Дом, в котором они поселились, достался им от прадеда Василия. Это был старый, но вполне еще крепкий дом, в нем можно было жить и надеяться на человеческое счастье. Время было за полночь, и потому Василий и Горпина уже спали.

— Кажется, кто-то идет... — испуганно подняв голову, сказала Горпина. — Какой-то шум... Василь, ты слышишь?

— Какой шум? — проснувшись, спросил Василь. — Никакого шума... Вроде все тихо...

— Ну как же! — все тем же испуганным голосом возразила Горпина. — Шум... Будто бы чьи-то шаги... Вот птица закричала и захлопала крыльями... Не иначе, спугнул кто-то птицу!

— Может, какой-нибудь зверь, — неуверенно предположил Василь. — Или ветер...

— А если это они?

— Кто они? — переспросил Василь, хотя и переспрашивать ему было не нужно, так как он знал ответ на вопрос супруги.

— Те, кто на болотах, — полушепотом пояснила Горпина. — Болотяныки. От Перемоги... Люди говорят, что они, которые от Перемоги, каждую

ночь приходят на какой-нибудь хутор. У кого-то забирают все харчи, а кого-то и убивают... Ты же слышал про Пилипчуков, которых убили позапрошлой ночью? Всех убили — даже детей. Даже старого деда Трохима... Сказали, что их послал Перемога. Убили, а дом и все хозяйство — сожгли.

— Так то — Пилипчуки, — неуверенно возразил Василь. — Петро Пилипчук — он ведь кем был? Он был секретарем в сельсовете. А нас-то за что убивать этому Перемоге? Мы сами по себе...

— Но ведь и тебе тот же Пилипчук предлагал работу! — в голосе Горпины послышалось отчаяние. — Заведовать пекарней в Березичах. Бросай, говорит, свой хутор и перебирайся в Березичи. Там и народу больше, и работа для тебя имеется...

— Так я ведь не сказал «да», — пожал плечами Василь. — Сказал, что подумаю...

— Думаешь, они будут разбираться, что ты сказал, а чего не сказал? — Горпина, казалось, вот-вот готова была разрыдаться. — Возьмут и убьют, как Пилипчука. И меня заодно. А дом — сожгут. Перемога — он человек страшный! Скольких он уже убил! Не он, так по его приказу! Разве мало люди говорят про этого Перемогу...

— Ну... — неопределенно произнес Василь, встал и приник к окошку, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в кромешной тьме за тусклым

стеклом. — Кажется, никого там нет. Да и тихо. Говорю же, зверь. Вот птица и испугалась.

— Какие такие звери могут ходить по нашим болотам? — печально спросила Горпина. — Разве только двуногие...

Василь хотел что-то сказать в ответ, но в это время во дворе залаяла собака. Причем не от собачьей скуки, а так, будто к дому подходит кто-то чужой. Очень скоро злобный собачий лай сменился отчаянным визгом, а затем и визг умолк. И тут же в дверь постучали. Стук был громким, уверенным. Так обычно стучат люди, пришедшие с недобрыми намерениями.

— Василь... — прошептала Горпина.

— Оденься! — коротко произнес Василь. Сам он также накинул на себя второпях какую-то одежду, которую нащупал в темноте, и подошел к двери: — Кто там? Что надо?

— А вот мы сейчас тебе объясним, кто мы и что нам надо! — ответил мужской голос по ту сторону двери. — Открывай, иначе выломаем дверь! Или — подожжем дом. Вместе с тобой. Как тебе больше нравится — с тобой или без тебя?

— Носят вас черти за полночь! — проворчал Василь и отпер дверь. Ну а что ему оставалось делать?

В темном проеме распахнутой двери возникли человеческие силуэты. Кажется, их было четыре.

Может быть, за их спинами таился еще кто-то, но в темноте разобрать было невозможно.

— Кто в доме? — спросил один из неизвестных.

— Я и жена, — ответил Василь.

— А кто-нибудь лишний имеется? — спросил человек.

— Имеется, — зло произнес Василий. — Вы вот объявились...

— Никак угрожаешь? — хмыкнул неизвестный. Хмыканье это, сдается, было вполне беззлобным, так что Василь даже слегка приободрился: авось на этот раз пронесет.

— Да уж какие тут угрозы? — уныло произнес Василь. — Говорю то, что есть.

— Мы — не лишние, — все тем же беззлобным голосом произнес человек. — Мы — долгожданные гости. В любом доме. На любом хуторе. Разве не так? Или, может, ты ждал кого-то другого? Например, москалей? Так ты так и скажи. И тогда нам сразу же все станет понятно...

— Никого я не ждал! — буркнул Василь. — Тем более москалей!

— А тогда принимай гостей! — велел все тот же голос. — Да зажги свет! А то ведь лоб себе расшибешь у вас в потемках!

— А не боитесь — при свете? — не удержался Василь от вопроса, который, по сути, и не был-то

нужен, так как неизвестно было, как к нему отнесутся незванные ночные пришельцы.

— А кого нам бояться? — голос из тьмы не рассердился, а, наоборот, даже рассмеялся от такого вопроса. — Тебя, что ли? Или, может, ты думаешь, что на свет огонька к тебе тотчас же сбегутся людишки из соседних хуторов? Кто это, мол, гостит в такое позднее время у Василя Гнатюка? Так ведь не сбегутся! Каждый сейчас сидит в своей хате, как те звери в норах! Хоть тебя убивай, а все равно никто не прибежит! Потому что — убивают не его, а тебя! У москалей есть такое слово — психология! Вот это она и есть! Ну так зажигай свет!

Тускло загорелась керосиновая лампа, и в ее свете Василь разглядел ночных гостей. Их было четверо, и все они были при оружии. Трое из них Василю были незнакомы, а вот четвертого он знал. Его звали Стась, и он был каким-то дальним родственником Василя. А родственника, хоть и дальнего, как не признаешь? Правда, видел его Василь уже давно, еще до войны, и вот теперь, когда война окончилась уже почти как три месяца назад, они встретились вновь. У Стася сызмальства было прозвище — Улыбка. И все из-за выражения его лица: казалось, он постоянно усмехается, причем усмешка эта была совсем не злой, а, наоборот, озорной и какой-то по-мальчишечьи беззаботной. А может, он и вправду все время усмехался — как

знать? Бывают такие люди, которые и вправду все время улыбаются. Добрые они или злые, весело им или грустно, болит что-нибудь у них или не болит, а они все равно улыбаются. Вот и Стась, наверно, был из таких.

— Вижу, признал родственничка? — улыбаясь, спросил Стась у Василя.

— Признал... — неохотно ответил Василь. — Только вот говорили, что ты в тюрьмах... И что тебя убили...

— Как видишь, я живой, — беззаботно ответил Стась. — И — на воле. Умный человек всегда выкрутится из беды! А я человек умный... Значит, говоришь, признал, что я это и вправду я, а не кто-то другой?

— Говорю же, признал! — ответил Василь. — Тебя да не признаешь. Одна твоя улыбка чего стоит.

— Что ж, тем лучше. Потому как и разговор у нас предстоит родственный. Так сказать, по душам. О, а это кто же такая? — все с той же улыбкой глянул Стась на Горпину. — Неужто жена? Ну, ты молодец, родственник! Вот ведь какую панночку себе отыскал среди этих болот, будь они прокляты! Одобряю! Даже, можно сказать, завидую!

Он подошел к Горпине совсем близко, с усмешкой осмотрел ее с головы до ног, а затем двумя пальцами тронул ее за подбородок.

— Не лапай! — мрачно произнес Василь и встал между Стасем и Горпиной.

— А то что? — прищурился Стась. — Неужто вцепишься мне в горло? А дотянешься? Ну-ну, не зыркай! Не стану я трогать твою панночку. И они, — он оглянулся на своих спутников, — тоже не станут. Если, конечно, мы с тобой по-родственному сговоримся. Ну а если не сговоримся, тогда — что ж... Как говорят москали, возможны последствия. Хорошие все-таки выражения встречаются у этих собак-москалей! Грамотные! Уважаю грамоту! Мне бы, по-хорошему, не комаров кормить в этих окаянных болотах, а нацепить на нос очки и сидеть где-нибудь в кабинете — вот такой я человек! Но ничего, может, когда-нибудь я и сяду в том кабинете. Когда победим. Как ты считаешь, родственник, скоро мы победим?

— Если без тебя, то нескоро, — мрачно ответил Василь. — А с тобой так прямо-таки послезавтра.

Стась, услышав такие слова от Василя, беззлобно рассмеялся. Улыбнулись даже трое молчаливых и мрачных его спутников.

— Я тоже так считаю, — смеясь, сказал Стась. — Со мной — это быстро. Так что скоро победим. А потому — давай-ка мы присядем вот на эту лавку и побеседуем.

— Нам что же, есть о чем беседовать? — все так же мрачно поинтересовался Василь.

— Ну, у умных людей всегда найдутся общие темы для разговора! — махнул рукой Стась. — Так вот, родственничек. Значит, говоришь, покойный Пилипчук уговаривал тебя перебраться в Березичи? Предлагал хорошую работу... Хлебную работенку прямо-таки во всех смыслах. Москалей нашим хлебушком кормить. Ну и себя с твоей панночкой заодно. Себя и ее — это, конечно, правильно: времена нынче голодные. А вот кормить москалей — это, наоборот, неправильно. За такое нехорошее дело рано или поздно придется отвечать. Вот, скажем, Пилипчук — он уже ответил...

— А ты откуда знаешь, что мне предлагал Пилипчук? — удивленно спросил Василь.

— Ну что за вопрос? — С губ Стася не сходила усмешка. — Знаю вот... Мы всё знаем. И даже чуть-чуть больше, чем всё. Не в этом дело. А в том, что когда мы об этом узнали, то у нас возник по поводу тебя спор. Образовалась проблема, как говорят москали. Одни из наших сказали, что тебя, а заодно и твою кралю нужно немедленно убить, а хутор — сжечь. Потому что разве это дело — кормить москалей нашим хлебушком? Правильный украинец, дорогой ты мой родственничек, так не поступает. Ну а коль он неправильный, как, скажем, тот же покойный Пилипчук — так о чем и говорить? Пиф-паф, и все дела...